

В.В. Лепешкин: путь к эмиграции

К.В. Маноїленко

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
ihst@ihst.nw.ru

Освещаются малоизвестные факты из жизни и деятельности В.В. Лепешкина — видного биохимика, физиолога растений, представителя научных школ Д.И. Ивановского, В. Пфедфера, А.С. Фаминцына. Рассмотрены мотивы его эмиграции. В основу статьи положены фрагменты не опубликованных ранее писем В.В. Лепешкина к ботанику И.П. Бородину.

Ключевые слова: Владимир Васильевич Лепешкин, физиология растений, И.П. Бородин, Русское ботаническое общество.

Видный физиолог растений, представитель физико-химического направления, Владимир Васильевич Лепешкин (1876–1956) многие годы жил и трудился за пределами родины — России. Он родился в Москве, учился в Петербурге. В 1898 г. окончил Петербургский технологический институт, химическое отделение, получив звание инженера-технолога¹. Некоторое время работал там лаборантом ботанического кабинета. В 1899 г. Лепешкин с научной целью был командирован в Лейпциг. Старинный университет этого города пользовался славой ведущего немецкого учебного и научного учреждения. В университете с 1887 г. действовала всемирно известная физиологическая лаборатория В. Пфедфера (1845–1920) — автора обстоятельных исследований по осмосу, дыханию, фотосинтезу растений.

Именно в этой лаборатории, под руководством Пфедфера, Лепешкин овладел наукой о функциональной активности растительных организмов, научился искусству экспериментирования. Совершенствовал он в Лейпцигском университете и знания в области химии. Его наставником был В.Ф. Оствальд (1853–1932) — известный физико-химик, с 1896 г. — член-корреспондент Императорской Академии наук, а с 1909 г. — лауреат Нобелевской премии по химии.

Свою первую научную степень — доктора философии — Лепешкин получил в 1901 г. в Швейцарии, в Цюрихском университете². Ему в ту пору было двадцать пять

Владимир Васильевич Лепешкин
(1876–1956).

Архив автора статьи

¹ В Ботаническом кабинете студенты третьего курса Химического отделения Технологического института занимались анатомией и физиологией растений, микробиологией. В 1899 г. этот предмет вел Д.И. Ивановский (1864–1920). См.: Краткий отчет... 1900; Семидесятипятителетний юбилей...1903.

² Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 35.

лет, и он приступил к активной педагогической и исследовательской деятельности в Петербурге, в основном в Технологическом институте (1902–1910)³. Одновременно (см.: Полевой, 1981, с. 83) он являлся приват-доцентом кафедры физиологии растений Петербургского университета, возглавляемой тогда В.И. Палладиным (1859–1922).

Научные интересы Лепешкина, его общебиологические идеи, подходы к объекту исследования в значительной степени складывались под влиянием А.С. Фаминцына (1835–1918) — основоположника отечественной физиологии растений, известного своими исследованиями проблем фотосинтеза, дыхания, обмена веществ и превращения энергии в растениях. Лаборатория анатомии и физиологии растений, созданная Фаминцыным в 1890 г. в Императорской Академии наук (ныне Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева РАН) в конце XIX — начале XX столетия была важнейшим центром анатомо-физиологических исследований в России.

Под руководством Фаминцына в лаборатории проводили исследования ботаники: О.В. Баранецкий, А.Ф. Баталин, И.П. Бородин, С.Н. Виноградский, Д.И. Ивановский, Н.А. Монтеверде, Д.Н. Нелюбов, В.В. Половцов, А.А. Рихтер, В.А. Ротерт, М.С. Цвет и другие. Многие из них создали новые научные направления, сделали открытия. Например, Д.И. Ивановский стал основоположником вирусологии, С.Н. Виноградский открыл хемосинтез у бактерий, М.С. Цвет разработал метод хроматографии.

Представителем школы Фаминцына являлся и Лепешкин. В академической лаборатории он проводил исследования в 1902–1904 гг., инициировал и развивал новый в то время физико-химический раздел физиологии растений. В 1902 г. по представлению И.П. Бородина, М.С. Воронина, А.С. Фаминцына Лепешкин был избран в действительные члены С.-Петербургского общества естествоиспытателей⁴. Восприняв от Фаминцына идею о биохимическом единстве органического мира, Лепешкин обосновывал ее материалами собственных исследований. В этот период им были выполнены и опубликованы работы по вопросам водного режима растений, их осмотическим свойствам и тургору клеток. В 1904 г. в «Записках Императорской Академии наук» увидел свет его известный труд «Исследование над выделением водных растворов растениями».

Лепешкин использовал сравнительный метод исследования и определял влияние ряда внешних факторов (температуры, света, влажности, кислорода, анестезирующих веществ, ядов) на выделение капельной жидкости у растений разного уровня филогенетического развития. Объектами его исследований были представители грибов (мукор) и высших растений (мотыльковые). Выделение воды (гуттацию) Лепешкин трактовал как физиологический процесс, рассматривая его в соединении с анатомо-морфологическими структурами растения. «У высших растений выделение воды, — отмечал он, — производится активно или эпидермальными образованиями или клетками, расположенными в глубине стебля и корня» (Лепешкин, 1904, с. 80). Лепешкин экспериментально обосновал механизм одностороннего водного тока через клетки растений.

В заключение этой важной работы, открывавшей новое для отечественной физиологии растений направление исследований, он обращался к Фаминцыну со словами благодарности: «Считаю своим приятным долгом выразить сердечнейшую признательность академику А.С. Фаминцыну, гостеприимно предоставившему мне все удобства своей лаборатории, в которой

³ Он состоял преподавателем кафедры технологии питательных веществ, читал курсы химии белков и углеводов. Там же. Л. 17 об.

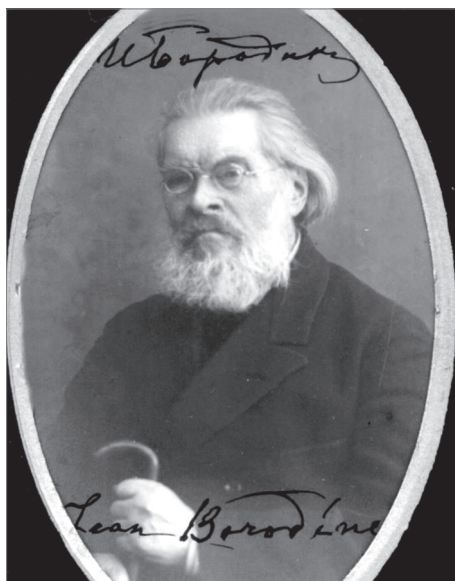
⁴ См.: Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1902. Т. 33, № 3. Протоколы. С. 118; 1903. Т. 34, № 1. Протоколы. С. 23.

главным образом произведены были опыты для предлагаемой работы, а также всем лицам, так или иначе содействовавшим возникновению означенного труда» (Лепешкин, 1904, с. 80).

Этот труд был защищен Лепешкиным в качестве магистерской диссертации в 1904 г. в Варшавском университете. Отметим, что в период 1901–1915 гг., на кафедре ботаники этого университета работал Д.И. Ивановский. Научные контакты двух ученых сложились ранее еще в Технологическом институте. Ивановский и Лепешкин выполнили и опубликовали совместную работу о чае. Публикация включила материалы сравнительно-анатомических исследований листьев ряда сортов чая (1905).

В 1907 г. Лепешкин выступил с изданием результатов своего обстоятельного исследования, посвященного осмотическим свойствам и тургору растительных клеток. Он ставил задачу определения роли этих процессов в питании и росте растений, выяснения влияния внешних факторов, в частности света, на тургорное давление, Лепешкин исследовал также изменения осмотического давления, связывая их со степенью проницаемости клеточных оболочек (Лепешкин, 1907).

Высокая оценка этой работы, данная академиком И.П. Бородиным, стала основанием для присуждения Лепешкину в 1910 г. Императорской Академией наук премии имени М.Н. Ахматова⁵. Бородин обратил внимание конкурсной комиссии на точность и оригинальность опытов Лепешкина, ценность их результатов, установивших факт влияния света на проницаемость протоплазмы. За эту работу в 1909 г. Московский университет удостоил ее автора ученой степени доктора ботаники⁶. В петербургский период деятельности Лепешкин изучал также функцию движения растений. Известно, что проблема раздражимости и движения растений с эволюционных позиций исследовалась Ч. Дарвином. В развитие его идей выступили представители научной школы Фаминцына — В.А. Ротерт (1890, 1893), Д.Н. Нелюбов (1910). В.В. Лепешкин также включился в разработку проблемы движения растений, обратил внимание на механизмы процесса. Экспериментируя с листьями фасоли, он установил связь фотонастических и геотропических изгибов листовых сочленений с изменением тургорного давления их клеток под влиянием факторов среды — света и силы тяжести (Лепешкин, 1908).

Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930).
Архив автора статьи

⁵ Премия была образована на проценты с капитала, завещанного в 1885 г. тайным советником М.Н. Ахматовым Императорской Академии наук. Лепешкин был награжден малой премией на втором конкурсе. На торжественном публичном заседании Академии 29 декабря 1910 г. был оглашен отчет о присуждении ему премии им. М.Н. Ахматова. Лауреатами наряду с Лепешкиным стали Л.С. Берг (большая премия), В.Л. Бианки (малая премия). См.: ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 1, 1 об.; Летопись Российской Академии наук. 2007, С. 181.

⁶ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 35.

1910 год стал переломным в жизни ученого. Он был избран профессором на кафедру ботаники Казанского университета. Этот университет, основанный в 1804 г., зарекомендовал себя как важный очаг просвещения и науки в России. Кафедра ботаники, где теперь предстояло Лепешкину трудиться, имела свою историю (Марков, 1980; Чернов, 2005). Достаточно сказать, что ранее, в разные периоды, там преподавали и исследовательски работали систематик А.А. Бунге (1803–1890), физиолог Н.Ф. Леваковский (1833–1898). Последний экспериментально изучал влияние факторов среды на формирование растений, процессы их раздражимости и движения. Леваковский внес значительный вклад в познание онтогенетических основ эволюции. Направление этих исследований продолжали ученики Леваковского — С.М. Смирнов, Ю.К. Шелль, Н.Б. Лазарев, Е.Ф. Вотчал (Манойленко, 1957). В Казанском университете до Лепешкина работали также такие видные ботаники, как С.И. Коржинский, П.Н. Крылов. Здесь многие годы (1901–1909 и 1914–1932) проходила научная и педагогическая деятельность А.Я. Гордягина (1865–1935). Будучи питомцем Казанского университета, Гордягин развивал уже сложившиеся в университете направления ботанических исследований. Получили известность его труды в области геоботаники, экологии, физиологии. Нельзя не отметить, что пятилетнее отсутствие Гордягина в Казанском университете (1909–1914), было вынужденным. По распоряжению Министерства народного просвещения он был направлен в только что открытый (1909) Саратовский университет на медицинский факультет. На его место ординарного профессора кафедры ботаники, был назначен К.С. Мережковский (1855–1921), один из основоположников теории симбиогенеза.

Обозревая казанский период деятельности Лепешкина, следует отметить, что именно при нем произошли изменения в структуре кафедры ботаники, сложились новые направления фитофизиологических исследований⁷. В декабре 1910 г. он был избран действительным членом Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. В 1914 г. его избрали вице-президентом общества (президент А.А. Остроумов). В Казанском университете Лепешкин читал курс физиологии растений. Заметим, что в предшествующие годы (1889–1897) этот курс в университете вел В.А. Ротерт, яркий представитель физического направления в физиологии растений (Манойленко, 1978).

Таким образом, Лепешкину предстояло в новых условиях жизни и работы продолжить развитие своих прежних исследований, сочетать их с педагогической деятельностью, сохранить традиции предшественников, их достойный вклад в ботанику и образование. Расширив рамки изучения осмотической системы растений, Лепешкин приступил к исследованию коллоидно-химических свойств протоплазмы клеток. Одновременно он работал над созданием учебника. Его «Курс физиологии растений» вышел в свет двумя выпусками (1912, 1914). Это оригинальное учебное руковод-

⁷ В отчете о состоянии Императорского Казанского университета за 1910 г., было выражено удовлетворение наконец-то произошедшим разделением учебно-вспомогательных учреждений по кафедре ботаники. Были разграничены обязанности между К.С. Мережковским и В.В. Лепешкиным. Последний стал заведовать физиологическим и анатомическим отделом. Мережковский же ведал отделом морфологии и систематики растений. Кабинет под началом Лепешкина носил название ботанической лаборатории. В разные годы там работали известные геоботаники и физиологи Б.А. Келлер, В.И. Смирнов, В.А. Крюгер, А.П. Понамарев, В.П. Сегель, Г.В. Домрачёв, В.И. Баранов, А.М. Алексеев (см. Хохлова, 2007).

ство с акцентом на физико-химическое направление физиологической науки, пополнило число уже существовавших в России учебников. Речь идет об учебниках А.С. Фаминцына (1887), В.А. Ротерта (1891), В.И. Палладина (1914).

Круг занятий Лепешкина в Казанском университете был расширен административными обязанностями руководителя ботанической лаборатории, а с 1912 г. и ботанического сада. Вокруг Лепешкина, ординарного профессора, стали группироваться ученые, проявившие интерес к его научным идеям, экспериментальным исследованиям. Среди них были А.М. Алексеев, А.А. Пономарев и другие.

Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г., нарушила строй жизни и деятельности Лепешкина в Казани. Он, как и другие сотрудники университета, испытывал технические трудности в проведении экспериментальных исследований. Чтобы облегчить это положение, в 1914–1915 гг. он провел большую организационную работу по оснащению лабораторий и музеев Казанского университета приборами, препаратами и химическими веществами российского производства⁸. В результате февральской и октябрьской революций 1917 г. условия для научной работы стали еще более тяжелыми. Кроме того, преподаватели Казанского университета, как, впрочем, и все население России, испытывали большие продовольственные и бытовые лишения.

Постепенно у Лепешкина созрела мысль покинуть Россию и работать за ее пределами. Мотивы принятого им решения — эмигрировать — остаются неизвестными широкому кругу биологов. Долгие годы имя Лепешкина не упоминалось в отечественной литературе. В 1947 г. Н.А. Максимов⁹, отдавая дань научным заслугам Лепешкина, высоко оценивая его вклад в разработку физико-химического направления физиологии растений, в познание осмотических явлений растительного организма, коллоидно-химических свойств протоплазмы клеток, резко осудил его отъезд из страны. Максимов писал: «Связь его с русской наукой прервалась полностью, и он является отщепенцем» (Максимов, 1947, с. 242).

Эта строгая отповедь со стороны Максимова воспринимается сугубо негативно. Она вызывает крайнее удивление, поскольку в отношении самого автора этих оценок была допущена несправедливость и он стал жертвой репрессий периода 1930–1940 гг. Только в августе 1989 г. Н.А. Максимов был реабилитирован (Манойленко, 1999).

Сегодня в отношении позиции Максимова можно строить различные предположения, объяснять ее особенностями личности, условиями жизни его эпохи. Ясно одно, что лишь в 1967 г. имя Лепешкина заняло свое достойное место в ряду отечественных физиологов в книге «История и современное состояние физиологии растений в Академии наук». Спокойно и корректно составители книги сказали об эмиграции Лепешкина в 1922 г. в Чехословакию, о его переезде в 1932 г. в Соединенные штаты Америки.

⁸ В.В. Лепешкин возглавил комиссию при Обществе естествоиспытателей Казанского университета по выработке организационных мероприятий оснащения университета лабораторным оборудованием. Он предложил обратиться к фабрикантам России с просьбой наладить производство химических реактивов, приборов для исследований. Он наладил связи по этим вопросам с обществами естествоиспытателей ряда российских университетов. См.: Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей императорского Казанского университета. 1914-1915. Казань, 1915. С. 42–52.

⁹ Н.А. Максимов (1880–1952) видный ботаник — физиолог, создатель концепции морозо- и засухоустойчивости растений, автор известного в XX в. учебника «Краткий курс физиологии растений» (9-е изд. М., 1958. 559 с.). Действительный член Академии наук СССР (1946).

В последнее время стали публиковаться более развернутые материалы о Лепешкине (Жидкова, 2002; Волков, 2004). Однако многие моменты, связанные с обстоятельствами его эмиграции и первыми годами жизни за границей, остаются вне поля зрения историков науки. Письма Лепешкина к И.П. Бородину, хранящиеся в Петербургском филиале Архива РАН, проливают свет на факты его отъезда, снимают столь резкое обвинение Н.А. Максимова в его историческом очерке развития отечественной физиологии растений.

Академик И.П. Бородин (1847–1930), автор ряда основополагающих исследований по проблемам дыхания, фотосинтеза и пигментной системы растений, являлся одним из основателей (вместе с А.С. Фаминцыным) Русского ботанического общества, его первым президентом (1916–1930). В 1917–1919 гг. был вице-президентом Академии наук, вошел в историю как инициатор и организатор движения за охрану природы. Нельзя переоценить роль Бородина в консолидации российских ботаников. Он с большим вниманием относился к своим коллегам, способствовал их творческому развитию, оказывал идейную, моральную и организационную помощь многим из них — Ф.Н. Алексеенко, А.Ф. Барсукову, Н.А. Бушу, Д.И. Ивановскому, Е.И. Исполатову, В.Л. Комарову, А.Н. Краснову, В.А. Ротерту, В.Н. Сукачеву, И.Н. Сурожу (Манойленко, 2007).

Среди тех, кому советом и делом помогал Бородин, был и Лепешкин. В письмах к академику последний информировал его о ходе своих исследований, научных планах, уделял внимание вопросам, связанным с публикациями. В фонде И.П. Бородина имеются письма Лепешкина в хронологических рамках 1917–1928 гг. Переписка шла с перерывами и в общей сложности продолжалась одиннадцать лет.

В первом из хранящихся в архиве писем из Казани с датой 4 февраля 1917 г. (ст. стиля) Лепешкин обсуждает вопрос издания журнала Русского ботанического общества, говорит о состоянии дел в Казанском обществе естествоиспытателей, затрагивает тему отъезда за границу:

«Очень сожалею, что мне нельзя теперь никуда тронуться из Казани, хотелось бы повидаться, поговорить о многом с питерскими ботаниками. Ведь мы здесь очень одиноки. Правда, у меня порядочно учеников, но ведь они не могут меня удовлетворить»¹⁰. «Я от них, конечно, получить ничего не могу. Они являются для меня лишь исполнителями моих же собственных идей. Поэтому я стремлюсь в большой научный центр. И если это не будет возможно осуществить в России, решил переселиться за границу, даже, если бы мне пришлось для этого переменить профессию, которая в последние годы делается все менее привлекательной у нас»¹¹.

Спустя три года Лепешкин продолжал сетовать, писал о трудностях жизни и научной работы. Выразил удивление, что в Петрограде издается «Журнал Русского ботанического общества». «Для нас это было откровением, поскольку „Известия Казанского общества естествоиспытателей“ давно не издавались». Лепешкин обращался к Бородину за содей-

¹⁰ Это замечание В.В. Лепешкина, как нам представляется, характеризует только его психологическое состояние. Материалы других писем, протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (1914–1915) свидетельствуют о заботливом, уважительном отношении учителя к своим ученикам — А.М. Алексееву, В.А. Крюгеру, А.П. Пономареву и др., говорят о его многократных попытках добиться публикации их работ.

¹¹ Здесь и далее письма и фрагменты из них печатаются по подлинникам: ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

ствием в публикации статей своих учеников (Домрачева, Алексеева) по вопросам проницаемости протоплазмы. В письме с датой 10 ноября 1920 г. из Казани, Лепешкин писал Бородину: «Я лично, не имея никакой надежды напечатать свои работы в России, в августе послал три рукописи с одним из профессоров, в заграничные журналы». И далее он продолжал:

«Мы живем здесь как на необитаемом острове. Научная работа почти остановилась. Я не говорю, конечно, про себя. Для меня она — хлеб насущный. Но молодежь — разрывается на посторонней работе. Мне тоже в этом году, чтобы не голодать, пришлось заняться сельским хозяйством: возить овес, сажать, окучивать, рыть картофель и пр.

Теперь живем в общем сравнительно не очень плохо. Квартиры у нас нет, ее отвели под лазарет (тифозный), живем мы в моем кабинете в лаборатории. Пока не голодаем. У меня достаточно времени, чтобы работать. Я начал писать свою самую большую работу на немецком языке „*Untersuchungen über die physikalischen und chemischen Eigenschaften der lebenden Materie*“.

Евгения Александровна¹² замучилась. Работы по хозяйству очень много. Наш младенец стал совсем большой, скоро будет учиться»¹³.

Из этого письма видно, что Лепешкин, преодолевая трудности быта послереволюционного периода, продолжал научную работу, ставил перед собой новые задачи, искал пути публикации своих работ за пределами России, выражал недовольство отсутствием контактов с Русским ботаническим обществом. Очевидно, мысли об отъезде из Казани не покидали его.

В 1921 г. в жизни Лепешкина произошли значительные изменения. Он покинул Казань и переехал на жительство в Минск, поскольку получил приглашение на работу в только что созданный Белорусский государственный университет (Кожухов, Яновский, 1990). Ученого не удовлетворяли больше условия для научной деятельности в Казанском университете: плохая оснащённость ботанической лаборатории приборами, продовольственные затруднения его и учеников. Лепешкин решил на переезд. В июне 1922 г. он выступил с докладом на заседании научного общества университета в Минске. Лепешкин рассматривал тему причин и следствий отмирания живых тканей¹⁴. О прошедших переменах он сообщил Бородину в письме, датированном 12 марта 1922 г.

«Шлю Вам приветствия из Минска! Кто бы мог подумать, что судьба занесет нас сюда. Но кто может предсказывать свое ближайшее будущее в наши дни. Вы, конечно, догадываетесь, что привело нас в Минск. Казань в последнее время стала слишком томительна. Научная жизнь разрушилась. Молодые ученые не о чем больше не говорили, как только о пайках, о сборах картофеля и т.п. Вместе с тем, продовольственное положение сделалось трудным. И мы решили переселиться сюда. В материальном отношении здесь и в правду оказалось значительно лучше. Что же касается научной работы, то я привез с собою все нужное. Микроскопы же здесь превосходные, с полным набором иммерсионных систем. В последнее время у меня, главным образом, микроскопическая работа; таким образом, я в научном отношении здесь чувствую себя не хуже, чем в Казани.

Минск нам очень понравился. Городок в западном стиле с массой зелени, пирамидальными тополями, каштанами, белой акацией. Нам отвели комфортабельную квартиру в бывшем

¹² Речь идет о супруге В.В. Лепешкина и его сыне Евгении Лепешкине, будущем известном кардиологе. Он родился в Казани в 1914 г. (см.: Lepeschkin, 1955).

¹³ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 4, 4 об.

¹⁴ См.: Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 1. С. 368.

епархиальном училище, где помещаются лаборатории медицинского факультета. Мы живем на горе, окруженные маленьким парком»¹⁵.

Из этого письма становится ясным, что Лепешкин еще вел переписку с С.П. Костычевым¹⁶. От него он также имел сведения о состоянии научной жизни в Петрограде. Лепешкин хотел сотрудничать с Ботаническим журналом, посылал в редакцию статьи. Он просил И.П. Бородину, редактора этого журнала, содействовать их изданию: «Мне было бы очень важно знать, есть ли надежда увидеть эти рукописи в печати. Пожалуйста, напишите Ваше мнение. Может быть их можно было бы напечатать в академических изданиях?» Попутно Лепешкин сообщал Бородину: «Меня выбрали в профессора Стебутовского Сельскохозяйственного института¹⁷ уведомили, что будут ждать до осени. Может быть, увидимся с Вами в Петрограде»¹⁸. Однако встреча двух ученых так и не состоялась.

Лепешкин сожалел, что в связи с переездом из Казани в Минск не смог принять участие в работе Первого съезда русских ботаников в Петрограде в конце сентября 1921 г. Съезд был создан по инициативе Русского ботанического общества, состоящего при Академии наук. Это был объединительный съезд, смотр ботанических сил страны. Едва завершилась гражданская война и еще существовали материальные лишения, но ботаники из разных городов страны, преодолевая тяготы пути, приехали в Петроград. На съезде было заслушано 115 докладов¹⁹.

В течение 1922 г. Лепешкин прислал Бородину открытку и письмо с датой 22 июля. Он отвечал на вопросы академика, писал о состоянии своих исследований, публикациях, сообщил печальные новости — сведения о кончинах В. Пфедфера, Г. Фехтинга, Ф. Чапека, Э. Шталя. Одновременно Лепешкин уведомил Бородину о предстоящей заграничной командировке.

«На днях я получил заграничные паспорта, которые посланы в Москву для визы в Консульствах. Если все пройдет удачно, мы с Евгенией Александровной и с младенцем отправимся недели через полторы в Берлин, Лейпциг и Прагу до зимы. Денег на командировку отпускают белорусские комиссариаты. Мне дают также два миллиарда для закупки приборов и веществ, нужных для моей работы. Живется нам в Минске пока что очень не дурно. Учебная жизнь понемногу налаживается. Университет расширяется. Устраивается С.-Хоз. Институт под предводительством проф. Кирсанова. Буду очень рад получить от Вас письмо за границу, где в лаборатории Немеца (Немес)²⁰ я буду работать более продолжительное время»²¹.

¹⁵ Там же. Л. 5, 5 об.

¹⁶ С.П. Костычев (1877–1931) — известный биохимик, физиолог растений, исследовал химизм дыхания и брожения. Действительный член Академии наук СССР (1923).

¹⁷ Этот институт вел свою историю от женских сельскохозяйственных курсов, основанных в 1904 г. по инициативе И.А. Стебута (1833–1923).

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 6, 6 об.

¹⁹ На съезде выступили известные ботаники: Л.А. Иванов, Б.А. Келлер, Б.М. Козо-Полянский, В.Л. Комаров, В.Н. Любименко, Н.А. Максимова, молодые исследователи. И.П. Бородин, обобщая итоги съезда, выразил удовлетворение его работой.

²⁰ Б. Немец (1873–1966) — физиолог и анатом растений. Получили известность его работы в направлении экспериментальной цитологии, микологии, роста, раздражимости и движения растений. Член Чехословацкой академии наук (1918). См.: Украинский ботанический журнал. 1966. 23. № 6. С. 94–97.

²¹ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.

Эта физиологическая лаборатория находилась в Карловом университете в Праге.

Следующее письмо к Бородину пришло уже из Праги, датированное 5 января 1923 г. Оно было вполне оптимистичным, содержало просьбу помочь А.М. Алексееву, ученику по Казанскому университету, с публикацией его работ. Лепешкин писал:

«Мне очень приятно было получить от Вас письмо. Порадовался, что у Вас все благополучно в материальном отношении и что есть даже новые книги. Жаль только с печатанием не налаживается. Я на днях получил из Казани письмо от моего бывшего ассистента А.М. Алексеева. Он послал для напечатания в Журнал Русского Ботанического Общества свою статью еще летом 1921 г. Если у Вас плохо с печатанием, то в Казани и того хуже. Мне очень жаль этого Алексеева. Он, несомненно, способный, и из него мог бы выйти хороший ботаник, но казанская обстановка удручающая. Может быть, его можно было бы как-нибудь перетянуть в Питер?

А я тут, в Праге, два с половиною месяца читаю запоем новую литературу. Все же, нужно сознаться, я ожидал, что за восемь лет что-нибудь выдающееся будет сделано, а на самом деле работали много, невероятно много, но все пока черновая работа. В ботанической литературе наиболее важным мне кажется искусственное получение антоцианов Вильштеттера»²².

Далее Лепешкин писал: «Научная жизнь здесь идет очень интенсивно. У нас происходит по 3–4 заседания в неделю: 2 рефератных ботанических общества и общество естествоиспытателей.

Я принялся хочу скоро за писание. Что же касается до опытов, то хочу начать их на зоологической станции в Вильфранш²³, куда мы думаем тронуться в путь в конце января всей семьей».

Как видно из этого январского письма 1923 г., Лепешкин поставил перед собой грандиозные задачи и интенсивно работал. Возвращение на родину откладывалось. Сложившуюся ситуацию, он объяснил Бородину так:

«Возвращаться в Россию я пока еще не собираюсь, до весны (послал прошение об отсрочке командировки до июля) останусь, наверное. По ходатайству Немеца²⁴ я получил от Чехословацкого правительства стипендию на все время моей командировки за границу, что и позволяет мне с отъездом не торопиться. Обещанные же мне из Академического центра 200 р. золотом так до сих пор не получил»²⁵.

Лепешкин продолжал держать Бородина в курсе своих научных дел и позднее. Осенью 1923 г. в Петроград пришло письмо из Стокгольма. Лепешкин сообщал, что работает у С.А. Аррениуса²⁶. В лаборатории, руководимого им Нобелевского физического

²² Р.М. Вильштеттер (1872–1942) немецкий биохимик, лауреат Нобелевской премии по химии (1915), иностранный почтенный член АН СССР (1929), основные работы в области химического строения хлорофилла и изучения природы ферментов.

²³ Речь идет о морской биологической станции в Вильфранш на побережье Средиземного моря.

²⁴ Вопрос о работе В.В. Лепешкина, а также В.С. Ильина и П.Ф. Миловидова в Чехословакии обсуждался в докладе Т. Германа на международной конференции в Вене в 2008 г. (Hermann T., Kleisner K., 2008).

²⁵ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 10, 11, 11 об.

²⁶ С.А. Аррениус (1859–1927) — шведский физико-химик, лауреат Нобелевской премии (1903), член-корреспондент Императорской Академии наук (1903), почтенный член АН СССР (1925). С 1905 г. — директор Нобелевского физического института.

института в Стокгольме Лепешкин проводил исследования над протоплазмой: «У меня накопилось множество опытного материала, который я собираюсь опубликовать в недалеком будущем». Автор письма информировал Бородину об отправке оттисков своих последних статей, делился планами издания новых опытных данных. Он не обошел молчанием и тему возвращения в Россию. Лепешкин писал: «В Россию не удастся, вероятно, возвратиться в ближайшее время. Потому что я получил приглашение сделать турне по Америке, прочитав там в университетах лекции о своих научных работах. При этом раньше конца декабря мне едва ли удастся туда выбраться».

Лепешкин просил Бородину выслать ему труды петроградских ботаников, поскольку Ботаническое общество в Америке просило его сделать доклад «об успехах физиологии растений за последние пять-семь лет в России»²⁷.

В конце ноября 1923 г. Лепешкин вновь обращался с приветствием и благодарностью к Бородину:

«Очень Вам благодарен за письмо и сообщение о ботанических делах в Петрограде.

Первую порцию отдельных оттисков я уже получил, за что и приношу мою признательность.

Поездку я должен отложить до января, т.к. хочу закончить хотя бы в главных чертах работу, которую начал в Нобелевском институте. Результаты получаются настолько интересные для меня, что я не могу для Америки бросить работу. Я написал, что приеду в январе. Для меня они могут собрать, я думаю, и экстренное собрание общества, или же я подожду их собрания весной. Таким образом, имеется еще много времени для собирания русской литературы». Лепешкин продолжал: «Обстановка работы здесь, конечно, великолепная. Библиотека необыкновенно полная. Времени только не хватает читать. Я увлекся теперь опять экспериментальной работой. До первого января мы здесь, наверное, останемся. А если уедем, Ваши посылки с книгами мне пошлют.

Арениус недавно вспоминал, что он состоит членом Петроградской Академии.

Я познакомился с здешними ботаниками Розенбергом и Лагергеймом. После собрания ботанического общества по обычаю меня угощали в ресторане. Все очень милые люди. Направление в работе здесь систематическое, экологическое и цитологическое (хромозомы). Физиологии почти нет. Собираюсь в Упсалу.

Псылаю Вам просимые Вами curriculum vitae и список научных трудов. Зачем они Вам?»²⁸.

Лепешкин выполнил просьбу Бородину. Это сыграло свою роль при избрании его, при содействии академика, почетным членом Русского ботанического общества. «Ваше письмо, — сообщил Лепешкин, — доставило мне большую радость. Позвольте мне в Вашем лице, как президента Русского ботанического общества, выразить обществу мою глубокую признательность за лестное избрание меня почтенным членом Общества»²⁹.

В Ленинград очередное письмо Лепешкина пришло лишь в 1926 г. Оно было датировано 8 марта. Отправитель вновь извещал академика о событиях своей зарубежной жизни и деятельности, о предстоящих поездках, новых направлениях исследований.

«С тех пор, как я получил от Вас письмо еще в Стокгольме, прошло более двух лет. Было очень приятно узнать, что ботанические дела за эти два года настолько поправились, что можно было даже созвать общее собрание в Москве»³⁰.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 14, 14 об.

²⁹ Там же. Л. 19.

³⁰ 16–25 января 1926 г. в Москве состоялся II Всесоюзный съезд ботаников.

Что касается меня, то я пробыл тогда в Стокгольме три месяца и узнал так много плохого о положении ученых в Америке, о тамошней жизни и нравах, что отказался от поездки в Америку, несмотря на приглашение нескольких университетов и тамошнего ботанического общества прочесть в Америке серию лекций о своих научных трудах. После Стокгольма я вновь вернулся в Прагу, где мы живем до сих пор. Собственно не в Праге, а под Прагой, в очень красивой горной местности, 50 м. езды от города (центра).

Письмо Ваше было правильно адресовано. В Лаборатории проф. Немца я, хотя и не работаю, но бываю часто. Читаю там лекции и веду практические занятия для русских.

Работаю же я в медицинской лаборатории (общей патологии), так как в последнее время я занялся изучением наркоза у животных. Одними растительными объектами удовлетвориться нельзя было³¹. Посылаю Вам три свои последние работы тоже с животными объектами».

Возвращаясь к вопросу о своей поездке в Америку, Лепешкин сообщил следующее:

«Что же касается поездки в Америку на Ботанический съезд, то я получил приглашение от президиума прочесть доклад в секции физиологии растений вместе с другими избранными американскими ботаниками, не американскими учеными. Всего избрано 20 человек и каждому отведено 40 минут; каждый день по четыре доклада и того 5 дней. В остальное время предполагается вести «дискуссию», полевые экскурсии, и другие собрания. Съезд продолжится 7 дней и будут ли принимать доклады «с воли» не знаю. Во всяком случае, это что-то новое; вероятно: по-американски. Раньше представлялась возможность делать доклад каждому желающему». И далее Лепешкин продолжал: «Ваше приветствие я передал проф. Немцу, он со своей стороны шлет таковое Вам и прибавляет, что он лично знаком с Вами: Он познакомился с Вами лет 20 назад, на конгрессе ботаников в Вене»³².

На исходе марта 1926 г. Лепешкин смог уведомить Бородину: «Сегодня я получил из Америки приглашение быть председателем секций физиологии растений на интернациональном конгрессе ботаники»³³. Он хотел принять участие³⁴.

Однако поездка Лепешкина в Америку по финансовым причинам не состоялась. На конгрессе побывал профессор немец, который поделился с Лепешкиным своими впечатлениями. Они нашли отражение в письме последнего Бородину, датированному 18 декабря 1926 г.:

«Проф. немец был на съезде и рассказывал о нем. По его словам, было только около 50 европейцев и более 700 американцев. Это и неудивительно. Ведь съезд был, в сущности, самозванным, так как на последнем международном съезде было решено следующий съезд устроить в Англии.

Кроме того, европейские ученые довольно-таки обеднели в последние годы, а поездка в Америку стоит минимум 400 долларов». Лепешкин продолжал: «Меня возмутил поступок американцев по отношению к русским, о котором мне рассказал проф. немец.

³¹ В.В. Лепешкин изучал влияние механического раздражения на вязкость протоплазмы амёб и инфузорий. Его исследования нашли отражение в работе Д.Н. Насонова и В.Я. Александрова (1940).

³² ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 19 об., 20, 20 об.

³³ Речь шла о IV Международном ботаническом конгрессе, который прошел в г. Итака (США). Из СССР в конгрессе приняли участие Б.Л. Исаченко, А.Т. Кирсанов, В.Н. Любименко.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 21.

Кроме того, я недавно получил от проф. Шода³⁵ письмо, где он также критикует съезд. По его словам, американцы избегали всего, что бы могло сообщить съезду интернациональный характер³⁶.

Еще задолго до начала съезда, по моей инициативе, несколько председателей секций решали возбудить на съезде вопрос об основании международной ботанической ассоциации, и я даже послал туда, кроме общего доклада по этому вопросу, еще проект устава такой ассоциации.

Но все попытки поставить этот вопрос на обсуждение наткнулись даже в президиуме съезда на непреодолимое сопротивление.

Я проектировал, между прочем, устройство международного литературного центра — библиотеку, составленную из отдельных оттисков авторов; справочное бюро, сообщающее перечни и рефераты работ по всем отделам, интересующим членов ассоциации, издание сводок и реферирующего органа и т.д. Но это мало заинтересовало американцев. Однако Шода надеется осуществить такое центральное справочное бюро и библиотеку под покровительством швейцарского правительства. Но как быть с ассоциацией ботаников? Этот вопрос остается пока нерешенным»³⁷.

Это письмо свидетельствует о разнообразии интересов Лепешкина, его энергии, инициативе, потенциале организатора науки. Он стремился объединить ботаников, создать международный литературный центр. И в России, и за ее пределами он всегда тщательно следил за научной ботанической литературой, вынашивал идею организации центрального справочного бюро. В письмах он неоднократно обращался к Бородину с просьбой высылать ему журналы Русского ботанического общества. Эти просьбы исполнялись:

«Большое спасибо за третью книгу (том 9) журнала Русского ботанического общества» — сообщал Лепешкин Бородину в письме из Праги с датой 18 декабря 1926 г. «Я с большим интересом просмотрел ее и прочел несколько работ. Могу поздравить общество с прекрасным изданием. Если позволите, я мог бы посылать время от времени и свои работы для напечатания в журнале Общества. Я поражаюсь, в особенности, энергией Президента Общества и редактора его журнала.

Мне бы хотелось, чтобы в отделе библиографии были бы помещены также мои две русские работы, пока туда не попавшие. Мне бы хотелось, чтобы они были полезны нашим молодым ученым»³⁸.

В феврале 1927 г. Бородин получил письмо из Праги. Лепешкин поздравлял академика с юбилеем — 80-летием со дня рождения. Это событие было широко отмечено

---

³⁵ Шода Р.И. (1865-1934) швейцарский ботаник, основные работы в области систематики цветковых растений, анатомии, экологии, физиологии, биохимии. Иностраный член-корреспондент АН СССР (1924).

³⁶ Иное впечатление от IV Международного ботанического конгресса вынес участник конгресса из Ленинграда В.Н. Любименко (1873-1937). Он выступил на конгрессе с докладом на тему об исторических путях пигментной системы растений и фотосинтеза, По завершению работы конгресса посетил важнейшие ботанические и сельскохозяйственные учреждения Америки и Канады. В письме к В.Л. Комарову он писал: «Не могу не сообщить, что здесь в большом почете русская наука и русские ученые, и этот почет был бы еще больше, если бы русские работы были более доступны по языку». См.: Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 926. Л. 4 об.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 23, 23 об.

³⁸ Там же. Л. 22.

ботаниками страны. Заметным событием в их деятельности должен был стать III Всесоюзный съезд ботаников, который планировался созвать в 1928 г. Лепешкин был приглашен принять участие в работе съезда. Однако он не принял приглашения, ответил Бородину отказом, ссылаясь на предстоящую поездку в Соединенные Штаты Америки. «Через три недели, — сообщал Лепешкин в письме от 2 августа 1927 г., — мы всей семьей трогаемся в дальний путь. Я получил очень выгодное предложение в США для чтения там лекций. Пока буду читать физиологию растений в Миссурийском ботаническом саду»³⁹. Позднее в открытке, посланной Бородину уже из Америки, с берегов Миссисипи, Лепешкин делился своими впечатлениями: «Нас поражает оригинальность Америки. Американцы оказались очень любезными и простыми людьми. Читаю лекции на английском языке 3 раза в неделю по физиологии растений»⁴⁰.

В начале 1928 г. Бородин получил благодарственное письмо из США, датированное Лепешкиным 26 января: «Шлю Вам и всем ботаникам, собравшимся на общее собрание, мою искреннюю признательность за телеграфное приветствие, которым я был чрезвычайно тронут <...> Я находился в довольно длинном путешествии по Америке, где я читал лекции по приглашению различных университетов»⁴¹.

Приветствие, о котором писал Лепешкин, было от членов III Всесоюзного съезда ботаников, который прошел в Ленинграде 9–15 января 1928 г. Съезд собрал 926 человек. Он подтвердил, что изучение мира растений во всем его многообразии в стране не только продолжается, но идет по ряду новых направлений, выходит на новые рубежи познания. На съезде шла работа в 8 секциях. Участие в заседаниях принимали видные ботаники: А.А. Алехин, Н.А. Буш, Н.И. Вавилов, Е.Ф. Вотчал, Н.Н. Иванов, Б.А. Келлер, В.Л. Комаров, С.П. Костычев, В.Н. Любименко, Н.А. Максимов, Д.Н. Прянишников, В.Н. Сукачев, Б.А. Федченко, Н.Г. Холодный и др. Как видно из краткого списка участников III съезда ботаников, в его работе принимали участие и бывшие коллеги Лепешкина по Казанскому университету (Е.Ф. Вотчал, Б.А. Келлер).

Научная деятельность в советской стране в 20-х гг. развивалась и по другим отраслям знаний. Заметные перемены проходили в Академии наук. Г.А. Князев и А.В. Кольцов (1964, с. 93) сообщали: «Если в 1917 г. в Академии работало 200 научных и технических сотрудников, то в 1927 г. это число превысило 1500 чел.». Расширилась издательская деятельность. В 1928 г. — в Академии наук шла подготовка к выборам академиков и членов-корреспондентов.

Эти события не обошли стороной и Лепешкина. Его письма Бородину, архивные материалы, связанные с выдвижением кандидатов в действительные члены Академии наук, свидетельствуют об этом. Можно предположить, что именно с предвыборной кампанией связано письмо Лепешкина в Ленинград из США от 17 апреля 1928 г. Оно адресовано президенту Русского ботанического общества И.П. Бородину. В письме воскрешены события почти шестилетней давности. Лепешкин объяснял мотивы своего отъезда из Минска в Германию, последовательно описывал сопутствующие этому обстоятельства. Это письмо, отправленное из университета в штате Иллинойс, дополняет сведения, сообщенные А.А. Жидковой (2002).

³⁹ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 26.

⁴⁰ Там же. Л. 27.

⁴¹ Там же. Л. 28.

Лепешкин писал:

«В начале января текущего года я получил приветственную телеграмму от съезда русских ботаников, где высказывалось сожаление, что меня нет на съезде. Я уже имел случай передать русским ботаникам при Вашем посредстве, мою глубокую благодарность за эту телеграмму. Она показала мне, что русские ботаники до сих пор помнят обо мне, за что я еще раз шлю им мое спасибо. Вам, конечно, известно, что я был командирован Белорусским университетом (в Минске) за границу в сентябре 1922 г. В лабораториях этого университета я не имел никаких приспособлений для продолжения моей научной работы. Считаясь с этим обстоятельством, Минский университет и командировал меня за границу, ассигновав тогда же крупную сумму для моей будущей лаборатории. Деньги предполагалось перевести в Берлин, торговому представительству. В Берлине я должен был произвести все закупки.

По приезду за границу я неоднократно справлялся об ассигнованных деньгах в названном представительстве. Но ассигновок не было. О чем я в свое время поставил в известность университет.

Весною 1923 г. я получил телеграмму от ректора Минского университета, в которой он просил меня уведомить, могу ли я тогда же вернуться в Минск.

Я ответил, что не мог закончить своей научной работы, что вместе с тем в виду отсутствия ассигновок торговому представительству, я не мог закупить необходимых приборов для продолжения своей научной работы в Минске. Так как, вскоре после этого мое место в университете было замещено, то естественно, что я остался за границу, где и жил все время на свой счет, так как командировочных денег из Москвы я не получил, несмотря на обещания.

Средства же, которыми я был снабжен при отъезде из Минска, составляли сумму что-то около ста рублей в переводе на золото. Конечно, этих денег мне не хватило даже на проезд.

Мой контракт в Америке кончается в конце августа этого года, и мне придется заключить новый контракт на более продолжительное время. Вместе с тем через 4 $\frac{1}{2}$ года я механически делаюсь подданным США, и конечно, тогда бы ни о каком возвращении не могло бы быть и речи. С другой стороны, я вижу по всему, что **условия научной работы у Вас значительно улучшились, и я считал бы своим долгом работать на пользу не американской, а нашей науки, если такая работа, как мне кажется, сделалась теперь возможной** [Выделено мной. — К.М.].

В виду этого я просил бы наших русских ботаников подыскать для меня в Ленинграде (или окрестностях) такое место, которое позволило бы мне работать на пользу нашей науки. Буду очень Вам благодарен за скорое уведомление о получении этого письма. Преданный Вам Лепешкин»⁴².

Мы, к сожалению, не располагаем письмами Бородина. Но из письма Лепешкина из США от 5 мая 1928 г. видно, что академик не задержал свой ответ и просил Лепешкина выслать в Ленинград список работ и Curriculum Vitae. Это было исполнено. В архиве хранятся эти материалы⁴³. Лепешкин сопроводил посланные документы кратким письмом, благодарил Бородина за советы и заключал письмо так: «Однако, я хотел бы прибавить: Если хлопоты могут кому-нибудь доставить затруднения, то прошу Вас не возбудить этого дела. Что же касается расходов, связанных с моим возвращением, то я имею для этого заработанные мною деньги и поэтому никаких дополнительных хлопот не потребуется»⁴⁴. Список включал 62 работы Лепешкина.

⁴² ПФА РАН. Ф. 125, оп. 1. Д. 256. Л. 29, 29 об.

⁴³ Там же. Л. 31, 32, 33, 34, 35.

⁴⁴ Там же. Л. 30.

Подготовительные материалы к выборам 1929 г. в Академии наук содержат сведения, относящиеся к обсуждению кандидатуры Лепешкина. В архивном деле по этому вопросу имеется записка следующего содержания:

«По имеющимся сведениям, в кругах ботаников возникает предположение выдвинуть кандидатом в действительные члены Академии наук известного ботаника профессора Владимира Васильевича Лепешкина, находящегося в настоящее время в Соединенных Штатах Северной Америки. Насколько известно, профессор В.В. Лепешкин весьма желал бы снова работать в СССР.

Предварительно официального заявления этой кандидатуры, инициаторы изложенного предположения желали бы выяснить, насколько кандидатура проф. В.В. Лепешкина является возможной ввиду проживания его за границей»⁴⁵. На записке поставлена дата — 7 июня 1928 г., сделаны карандашные пометки. Среди них указания на необходимость предварительного выяснения обстоятельств отъезда Лепешкина за границу, его положение с гражданством в СССР. Здесь же имеется уведомление: «Академик И.П. Бородин сообщил 9-го июня, что он написал Лепешкину в Америку о том, чтобы он не приезжал в СССР до окончания им его большой работы в Американской лаборатории»⁴⁶.

Выборы прошли успешно, но без кандидатуры Лепешкина. В Академию наук были избраны новые академики. Среди них ботаник, генетик, географ Н.И. Вавилов, агрохимик и растениевод Д.Н. Прянишников, почвовед и химик К.К. Гедройц и многие другие. Президентом Академии наук на тот период был А.П. Карпинский, постоянным секретарем С.Ф. Ольденбург, вице-президентом А.Е. Ферсман.

В.В. Лепешкин продолжал работать за пределами СССР. В начале декабря 1928 г. Бородин получил от него открытку следующего содержания:

«Мы с Евгенией Александровной шлем Вам наши приветствия из Праги, где мы находимся в командировке. Я работаю более 2-х месяцев в лаборатории проф. Немеца. Все еще изучаю литературу, появившуюся с 1914 г., ведь мне ни в Казани, ни в Минске нельзя было достать ни одного журнала за это время.

Работ немецких и в особенности американских появилось такое несметное количество, что вряд ли скорее двух месяцев удастся одолеть их в общих чертах. После уж начну обрабатывать свой материал и ставить новые опыты. Профессор Немец просит Вас спросить, нельзя ли приобрести для здешнего университета все выходящие в России ботанические издания, а также купить все вышедшие издания за время революции.

В Праге мы поселились после Германии, где я участвовал на съезде немецких естествоиспытателей и врачей. За границей приблизительно все осталось по-прежнему. Есть, конечно, изменения, но главным образом не внешние, внешность та же»⁴⁷.

Прошло одиннадцать месяцев, и в Ленинград Бородину из Америки с датой 27 ноября 1929 г. пришло письмо. Лепешкин благодарил Бородина и Русское ботаническое общество за присланную ему литературу, журналы. Он сообщал: «Последняя книжка журнала: том 12, 1927, № 3 получена мною. С июня текущего года я состою профессором Калифорнийского университета, где читаю физиологию растений. С первого же января 1929 г. я надолго покидаю преподавательскую деятельность и буду иметь возможность все свое время посвящать научным исследованиям».

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. I-1928. Д. 89. Л. 92.

⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 30.

⁴⁷ Там же. Л. 37.

Лепешкин сообщил свой новый адрес в Тусоне, штат Аризона. Ему предстояло работать в новом институте, в биохимической лаборатории. Он заключал письмо: «Этo новый научный Институт, в котором я буду заведовать биохимической лабораторией. Институт, на подобие Рокфеллеровского, посвящен медицинским знаниям. Шлю мои горячие приветствия Русским Ботаникам! Преданный Вам В. Лепешкин»⁴⁸.

Этo было последнее письмо Лепешкина Бородину.

В принятии решения покинуть Россию основным аргументом для В.В. Лепешкина явилась наука. Он стремился воплотить свои идеи в экспериментах, а для этого требовались хорошо оснащенные оборудованием лаборатории, которых по условиям трудных, переломных лет не было в стране. Он старался изменить положение дел. Напомним его действия как председателя особой комиссии в Казанском университете, по организации снабжения кабинетов и лабораторий приборами и препаратами (Протоколы... 1915, с. 42–43).

Работая в России, а затем в эмиграции, в исследовательских учреждениях Европы и Америки, Лепешкин многое сделал для развития биологической науки, для познания физико-химических свойств протоплазмы (Насонов, Александров, 1940; Щербакова и др., 1983). Его работы широко публиковались во многих зарубежных периодических изданиях. Их список нашел отражение на страницах известного справочного издания "Poggendor's" (1938). В течение этих лет Лепешкин постоянно расширял границы исследований, проводил их на широкой сравнительной основе. Он изучал воздействие разнообразных факторов (механических раздражений, высоких температур, света, ряда кислот, ядов, наркотических веществ) на физиологию клетки и ее органоидов. Объектами исследований ему служили водоросли, простейшие животные организмы, представители высших растений. Лепешкин определял своеобразие ответной реакции живого организма на различные повреждающие воздействия, разрабатывал теорию липопротеинового комплекса. Его имя получило особенно большую известность после издания в Берлине монографии, посвященной клеточному некробиозу (Lepeschkin, 1937). Лепешкин был «европейски признанным авторитетом по изучению протоплазмы» (Новиков, 1952, с. 342). Деятельность Лепешкина, его судьба, сама яркая, талантливая целеустремленная личность, наделенная мощной энергетикой, привлекают внимание современных ученых. Несомненный интерес вызывают его международная деятельность, его усилия в распространении достижений отечественной ботаники, за развитием которой он пристально следил, несмотря на свои частые переезды по миру. Он не забывал своих российских коллег, учеников, учителей, в первую очередь — А.С. Фаминцына. «Я часто с большим удовольствием вспоминаю часы, проведенные с ним вместе»...⁴⁹

Скончался В.В. Лепешкин в г. Бетесда (Bethesda), штат Мэриленд, США в 1956 г.

Литература

- Базилевская Н.А., Белоконь И.П., Щербакова А.А. Краткая история ботаники. М., 1968. 309 с.
Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Химические науки. Биографический словарь. СПб., 2004. С. 138–139.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 256. Л. 38.

⁴⁹ Там же. Л. 2.

- Жидкова А.А.* Возвращение Владимира Лепешкина // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 3. С. 518–528.
- Ивановский Д.И., Лепешкин В.В.* Анатомическое исследование чайных листьев // Сельскохозяйственный сборник Удельного ведомства. СПб., 1905. С. 171–195.
- Ивановский Д.И.* Физиология растений. Вып. 1. Харьков, 1917. 310 с.
- История Казанского университета: 1804–2004. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 651 с.
- Кожухов А.И., Яновский О.А.* Белорусский университет: Хроника событий (1919–1989). Минск, 1990. 236 с.
- Князев Г.А., Кольцов А.В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд. М.; Л.: Наука, 1964. 224 с.
- Краткий отчет по технологическому институту императора Николая I за 1898 г. СПб., 1898. 40 с.
- Ланговой Н. С.*-Петербургский практический институт 1928–1893. СПб., 1894. 38 с.
- Лепешкин В.В.* К вопросу о гидатодах // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1899. Т. 30. Вып. 1. С. 232–237.
- Лепешкин В.В.* К вопросу о наследственности у одноклетных организмов // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1902. Т. 32. № 4–5. С. 181–182.
- Лепешкин В.В.* Исследование над выделением водных растворов растениями // Записки Имп. Академии наук. Сер. VIII. СПб., 1904. Т. XV. № 6. С. 1–80.
- Лепешкин В.В.* Исследования над осмотическими свойствами и тургором растительных клеток // Записки Имп. Академии наук. Сер. VIII. СПб., 1907. Т. XXII. № 2. С. 136.
- Лепешкин В.В.* К вопросу о механизме фотонастических, геотропических, гелиотропических и других вариационных движений листьев // Известия Имп. Академии наук. Сер. VI. СПб., 1908. Т. 2. № 17. С. 1275–1285.
- Лепешкин В.В.* О живом и мертвом. Казань, 1910. 17 с.
- Лепешкин В.В.* Курс физиологии растений. Вып. 1. Казань, 1912. 134 с.
- Лепешкин В.В.* Курс физиологии растений. Вып. 2. Казань, 1914.
- Лепешкин В.В.* Организм с точки зрения физики и химии. Прага, 1924. 138 с.
- Летопись Российской Академии наук: в 4 т. Т. 4: 1901–1934. СПб.: Наука, 2007. 1051 с.
- Максимов Н.А.* Физиология растений // Бреславец Л.П., Исаченко Б.Л., Комарницкий Н.А., Липшиц С.Ю., Максимов Н.А. Очерки по истории русской ботаники. М., 1947. 318 с.
- Манойленко К.В.* Н.Ф. Леваковский и его роль в изучении влияния внешней среды на растения // Тр. ИИЕТ АН СССР. Т. 14. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 428–458.
- Манойленко К.В.* Владислав Адольфович Ротерт. 1863–1916. Л.: Наука, 1978. 144 с.
- Манойленко К.В.* В.Н. Любименко: эволюционные, эколого-физиологические, историко-научные аспекты деятельности. СПб.: Наука, 1996. 166 с.
- Манойленко К.В.* Николай Александрович Максимов 1880–1952. М.: Наука, 1999. 179 с.
- Манойленко К.В.* Иван Парфеньевич Бородин. 1847–1930. М.: Наука, 2005. 272 с.
- Манойленко К.В.* «Спасательный круг» российских ботаников // Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917–1940). М., 2007. С. 210–224.
- Марков М.В.* Ботаника в Казанском университете за 175 лет. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 104 с.
- Матухин Г.Р.* Педагогическая деятельность Д.И. Ивановского // Памяти Дмитрия Иосифовича Ивановского. М., 1952. С. 87–93.
- Насонов Д.Н., Александров В.Я.* Реакция живого вещества на внешние воздействия. М.; Л., 1940. 251 с.
- Нелюбов Д.Н.* Геотропизм в лабораторном воздухе // Известия Имп. Академии наук. Сер. 6. 1910. Т. 4. № 17. С. 1443–1458.
- Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. 404 с.
- Палладин В.И.* Физиология растений. 7-е изд. СПб, 1914. 357 с.
- Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235.

Полевой В.В. А.С.Фаминцын и физиология растений в Петербургском–Ленинградском университете // Андрей Сергеевич Фаминцын. Жизнь и научная деятельность. Л.: Наука, 1981. С. 56–85.

Протоколы заседаний общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1914–1915. Казань, 1915. 64 с.

Ротерт В.А. О движении у высших растений. Казань, 1890. 19 с.

Ротерт В.А. Курс физиологии растений. Ч. 1. Физическая физиология. Казань, 1891. 130 с.

Ротерт В.А. О гелиотропизме. Казань, 1893. 272 с.

Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук. Пг., 1915. Т. V. С. 19–21.

Семидесятипятилетний юбилей Санкт-Петербургского практического технологического института (ныне императора Николая I). СПб., 1903. 412 с.

Фаминцын А.С. Учебник физиологии растений. СПб., 1887. 304 с.

Хохлова Л.П. Исторический очерк: становление и развитие физиологии растений в Казанском университете // Физиология растений: становление, развитие, перспективы: материалы Всероссийской конференции, посвященной 75-летию кафедры физиологии и биотехнологии растений Казанского государственного университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 5–33.

Чернов И.А. Ботанический сад Казанского университета от Фукса до наших дней. 1806–2006 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 79 с.

Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск, 1983. 364 с.

Hermann T., Kleinsner K. Between Science and Politics: Activities of Russian Biologists in Inter-war Czechoslovakia // III International Conference of the European Society for the History of Science. Vienna, September. 10–12, 2008. S. 130–131.

Lepeschkin Vladimir W. // J.G. Poggendorff biographisch-literarisches Handwörterbuch. Berlin, 1938. Bd. 6. Teil 3. S. 1501.

Lepeschkin W.W. Kolloidchemie des Protoplasmas. Berlin: Springer, 1924. 228 s.

Lepeschkin W.W. Zell-Nekrobiose und Protoplasma-Tod. Berlin, 1937. 198 s.

Lepeschkin W.W. // American men of science: A biographical directory. 6th ed. N.Y.: The Science Press, 1938. P. 843.

Lepeschkin W.W. // American men of science: A biographical directory. 9th ed. Vol. 2 (Biological Sciences). N.Y., 1955. P. 669.

V.V. Lepeshkin: a way to immigration

KSENIA V. MANOILENKO

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; ihst@ihst.nw.ru

The article sheds the light on the unknown facts of the life and activities of V.V. Lepeshkin, who was prominent biochemist and plant physiologist. He represented academic schools of D.I. Ivanovsky, V. Pfeffer and A.S. Famintsyn. The article considers his motives for immigration and based on excerpt from his unpublished letters to the botanists I.P. Borodin.

Keywords: Vladimir Vasiljevich Lepeshkin, plant physiology, I.P. Borodin, the Russian Botanist Society.